

УДК 821.161.1
DOI 10.52452/2658-7475-2025-3-27-43-56

**РЕЛИГИОЗНЫЕ МОТИВЫ И ЧЕРТЫ ХОЖДЕНИЯ
В КРЫМСКИХ ТРАВЕЛОГАХ П.И. СУМАРОКОВА**

© 2025

А.А. Раков

Раков Андрей Алексеевич, SPIN-код: 4212-8723, ORCID: 0009-0000-1488-3332, AuthorID: 1290560, учитель русского языка и литературы высшей квалификационной категории, МАОУ «Школа № 79 имени Николая Алексеевича Зайцева» (Российская Федерация, 603158, г. Нижний Новгород, ул. Зайцева, 18а), соискатель кафедры русской и зарубежной филологии факультета гуманитарных наук Мининского университета (Российская Федерация, 603000, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, д. 1), rape496@mail.ru

Статья поступила в редакцию: 31.06.2025

Статья принята к публикации: 18.09.2025

В статье рассматриваются опыты в жанре сентиментальных путешествий («Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году» (1800) и «Досуги Крымского судьи, или Второе путешествие в Тавриду» (1803–1805)) государственного деятеля и литератора П.И. Сумарокова (ок. 1767 – 1846), в которых описывается Крымский полуостров на рубеже XVIII – XIX столетий, вскоре после его присоединения к России. Первую поездку в полуденный край П.И. Сумароков предпринял в 1799 году в роли вольного путешественника, а во второй раз он посетил Тавриду в 1802 году уже в качестве чиновника, судьи. В исследовании поднимается важный вопрос о слиянии традиций религиозной и светской литератур в анализируемых текстах, а также выявляются мотивы и черты жанра хождения, берущего свое начало еще в древнерусской словесности. В ходе анализа отмечается, что травелоги П.И. Сумарокова объединяют с древнерусскими хождениями следующие черты: важная роль православной культуры в авторском мировоззрении, сакральность и символичность пути, включение описываемых событий в контекст мировой истории и особая каузальность. Исследование также показало, что гражданский пафос и назидательность, присущие крымским травелогам Сумарокова, неразрывно связаны с религиозным мироощущением автора.

Ключевые слова: сентиментальное путешествие, древнерусские хождения, П.И. Сумароков, религиозные мотивы, крымский текст.

Вопрос о жанровом своеобразии травелогов П.И. Сумарокова («Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году», 1800; «Досуги Крымского судьи, или Второе путешествие в Тавриду», 1803–1805; в 2-х частях) в отечественном литературоведении рассматривался неоднократно. П.А. Орлов в монографии «Русский сентиментализм», в которой предпринимается попытка периодизации сентиментализма в России, упоминает о путешествиях Сумарокова, однако не относит их к художественной литературе. По словам исследователя, они написаны в период деградации и вырождения сентиментализма и представляют собой «хорошие, со знанием дела написанные справочники географического, экономического, этнографического и политического характера» [Орлов 1977, с. 258]. Эта идея развивается и в ряде современных трудов [Шёнле 2004; Куликова 2008; Жданов 2024]. А. Шёнле пишет об отсутствии «сентиментальной риторики» и упоминаний о Стерне или Карамзине в первом травелоге Сумарокова [Шёнле 2004, с. 229]. К похожим выводам приходит и С.С. Жданов, утверждая, что в тексте почти нет описаний природы, «характерных для сентименталистского нарратива», и что путешествие тяготеет больше к путевой прозе начала XIX века, нежели к традиции сентиментализма [Жданов 2024, с. 219].

Однако существует и корпус статей, в которых исследователи рассматривают наследие Сумарокова как яркий пример сентиментального путешествия конца XVIII – начала XIX вв. [Курьянов, Рыжман 2014; Пантелеймонова 2017; Крюкова 2018; Галушко 2021; Раков 2023]. К примеру, Т.В. Пантелеймонова называет пейзажные зарисовки Сумарокова «лирикой в прозе», а среди черт присущей ему сентименталистской риторики выделяет культ чувств и культ природы [Пантелеймонова 2017, с. 357].

Вопрос о слиянии традиций религиозной и светской литератур в анализируемых текстах исследователями не поднимался. О.А. Фарафонова рассматривает описание второго путешествия Сумарокова исключительно в качестве ориентального травелога и отмечает, что повествование строится по особому принципу: «от субъективно переживаемого факта внешней действительности к размышлению и обобщению» [Фарафонова 2017, с. 76]. Исследователь отдельно останавливается на чертах классицизма и сентиментализма, подчёркивая, что рассказ о втором путешествии П.И. Сумарокова в Крым сочетает в

себе «классицистическую убежденность, что всякий человек должен быть гражданином и полезным сыном Отечества, с сентиментально чувствительным воображением путешественника» [Фарафонова 2017, с. 79]. Действительно, патриотизм и гражданственность – это те черты, которые явно отличают травелог Сумарокова от других сентиментальных путешествий того времени, однако, на наш взгляд, это роднит исследуемый текст не только с традицией классицизма, но и с древнерусской литературой, которая «всегда была литературой патриотической и гражданской» [Лихачев 2016, с. 474].

Цель исследования – выявление религиозных мотивов и черт хождения в крымских травелогах П.И. Сумарокова.

По словам В.М. Гуминского, вплоть до XV века в древнерусской литературе «развивается только одна, совершенно определенная по своему маршруту разновидность литературы "путешествий" – хождения» [Гуминский 1987, с. 153]. Безусловно, сентиментальный травелог эпохи русского Просвещения является преемником древнерусского жанра. Однако на смену древнерусскому паломнику в литературе XVIII века приходит образованный дворянин, а путешествие становится формой образования (гран-туры) или способом познания действительности и приятным времяпрепровождением. К концу XVIII века в литературе путешествий складываются два направления: «собственно светские "путешествия", получившие особую актуальность в эпоху сентиментализма, и сочинения паломников, тяготеющие к средневековой традиции» [Сафатова 2008, с. 9]. Травелоги П.И. Сумарокова можно назвать уникальным явлением в литературе путешествий, поскольку при явном доминировании традиции сентиментализма (преобладание чувств при описании местности, установка автора на «приятный слог» [Соловьев 2011, с. 2], идеализация «естественного человека» на лоне природы, диалог с читателем) черты паломничества в тексте также присутствуют; их репрезентантом служат особенности восприятия П.И. Сумароковым городских локусов и эмоциональная реакция путешественника на достопримечательности Крыма.

Особая роль православной культуры в авторском мировоззрении. Несмотря на то, что паломничеством поездку П.И. Сумарокова назвать нельзя, на протяжении всего повествования читатель замечает, насколько автор осведомлён о религиозной жизни людей тех

мест, куда он направляется. По дороге в Крым, находясь в Белгороде, Сумароков рассказывает о «блестящем червонным золотом» иконостасе в соборе и мощах «епископа Иосифа Горлинского, над коими жители служат панихиды» [Сумароков 2022, с. 59]. Описывая достопримечательности Курска, рассуждает о «великой к вере привязанности жителей» и рассказывает о мужском монастыре, где находится «явившийся из давних лет образ Знамения Богородицы» [Сумароков 2022, с. 56], о тысячах богомольцев, встречающих и провожающих из города этот образ с «благоговением и усердием». А посещая Харьков, даже делится с читателем мыслями о возможных преобразованиях в подготовке будущих священнослужителей, предлагая отменить изучение латинского и греческого языков, а добавить в программу такие науки, как медицина, ботаника, механика. Так, по словам Сумарокова, сельский священник станет врачом «души и тела», наставником «в духовном и мирском житии» [Сумароков 2022, с. 63]. Путешественник заезжает в Воздвиженский монастырь в Харькове и беседует с архимандритом о «священном писании, чудотворениях, о прежнем, нынешнем положении монастырей» [Сумароков 2022, с. 67].

Безусловно, живой интерес проявляет Сумароков и к религии крымских татар и караимов, рассуждает и о различных сектах (духоборы, гернгутеры, молокане), посещает меннонитскую колонию, рассказывает в подробностях о молитве дервишей, но именно православная традиция служит тем объединяющим началом, которое позволяет путешественнику не терять связи с родной культурой, находясь за её границей (именно за границей культурной, а не территориальной). Стоя в храме на воскресном богослужении и наслаждаясь пением хора, Сумароков признается в том, что забывает о своем местоположении: «... и я забывал тогда, что нахожусь на конце своего отечества, при первобытном пределе Оттоманской Порты» [Сумароков 2012, с. 54].

В конце первого трёхмесячного путешествия Сумароков (а вместе с ним и читатель) ощущает освоение «чужого» пространства; дальнейший синтез разнообразных культур Тавриды видится Сумарокову в духе важных христианских добродетелей – *кротости* и *смирения*: «Да, Россия увидит конечно, что потомки древних обитателей Тавриды и многочисленные толпы иных народов во шуме веселья сте-

каются будут на призывающий глас кротости. Просвещение и трудолюбие заступят место невежества и праздности» [Сумароков 2012, с. 172]. В этом отрывке заметно, что перед государством и монархом Сумароков испытывает такое же чувство благоговения, как перед христианской святыней. Более того, для автора Россия в лице Екатерины Великой и есть идеал кротости; она справедлива, милосердна даже к побеждённым врагам, по её указу в Крыму после присоединения к Российской империи «отменили работорговлю, а крымские порты на пять лет были освобождены от уплаты таможенных пошлин» [Раков 2025, с. 45]. Гражданский пафос, или «пафос государственной пользы» [Соловьев 2011, с. 12], в травелогах Сумарокова схож с религиозным чувством благоговения перед святыней в паломничествах. Вспомним, к примеру, известный отрывок из хождения игумена Даниила, в котором автор, описывая Елеонскую гору, церковь Воскресения, где находится Гроб Господень, и сам Иерусалим, говорит о том, что нельзя не прослезиться любому христианину от радости, переполняющей сердце: «И бывает тогда радость велика всякому христианину, видевшее святыи град Иерусалимъ; и ту слезамъ пролитье бывает от верныхъ человекъ» [Хождение игумена Даниила 1997]. Похожее чувство благоговения испытывает и П.И. Сумароков, посещая Крым. Сакрализация пространства происходит по нескольким причинам. Во-первых, сама Таврида (колыбель русского Православия) для автора священное место: именно здесь, в древнем Херсонесе, принял крещение князь Владимир. Во-вторых, покорение Крыма и освоение этого края связаны с именем Екатерины Великой, которую Сумароков называет премудрой Законодательницей, северной богиней и благотворительницей росссов. Автор сентиментального путешествия признается, что при воспоминании о деяниях императрицы «жертва к милости Ея воскурилась в сердце, и невольные слезы покатились» из его глаз [Сумароков 2022, с. 46]. Сумароков не просто восторгается деяниями Екатерины II, но буквально боготворит её (жертва *воскурилась* в сердце). Чувства благодарности государыне и любви к отечеству заставляют его проливать искренние слезы радости: «Я росс, я гражданин, то слезы сии суть слезы благодарности» [Сумароков 2022, с. 46].

На наш взгляд, идеологическая установка П.И. Сумарокова не только как автора сентиментальных путешествий, но и как государственного деятеля эпохи русского Просвещения созвучна принципам теории официальной народности, выдвинутой графом С.С. Уваровым несколькими десятилетиями позже, в период царствования Николая I: «Православие. Самодержавие. Народность». Православная вера, русский монарх и национальная самобытность русского человека, способного понять традиции и верования других народов, — основа и залог процветания Крымского полуострова и всей империи. Подобная авторская установка заметна на протяжении всего повествования, особенно во втором путешествии Сумарокова, когда он отправляется в полуденный край в качестве судьи и размышляет о дальнейшей судьбе Тавриды. О том, что автор — патриот и сторонник русской культуры, читатель узнает в самом начале травелога, когда Сумароков рассказывает об одном разговоре, свидетелем которого он стал перед отъездом в Крым, находясь в светском обществе. Речь шла об отечественной культуре, и, в частности, о театре. Выслушав критику в адрес российского репертуара с призывами сжечь все пьесы на русском языке, а актёров распустить, Сумароков с грустью приходит к следующим выводам: «К предосуждению нашему, некоторые соотечественники наши гнушаются всем тем, что только наименование русского имеет» [Сумароков 2022, с. 44]. Далее автор мысленно обращается к этим людям, призывая их одуматься: «Отрясите мрак от очей ваших... <...> Разверните летописи древности и узрите, коликою твердостью, какою добродетелью и каковою честностью отличались предки ваши» [Сумароков 2022, с. 44]. Заканчивает свой призыв Сумароков чередой риторических вопросов: «Можно ли защищать свое Отечество, не любя его; лъзя ли любить его, презирая свой народ; можно ли носить звание гражданина, ненавидя нравы и свойственные ему обычаи?» [Сумароков 2022, с. 44]. Сумарокова в этом отношении можно сравнить с Афанасием Никитиным, который умел во время путешествия «по достоинству оценить чужие обычаи» [Лихачев 2016, с. 350], но и не изменить своим.

Выделим еще одну важную черту, которая роднит травелоги П.И. Сумарокова с древнерусскими духовными путешествиями, — *включение описываемых событий в контекст мировой истории*. Как справедливо замечает Д.С. Лихачев, древнерусский человек «ощущал

себя в большом мире ничтожной частицей и всё же участником мировой истории. В этом мире всё значительно, полно сокровенного смысла» [Лихачев 2016, с. 11]. Это чувство исключительной важности всего происходящего не покидало человека «ни в жизни, ни в искусстве, ни в литературе» [Лихачев 2016, с. 10]. Рассказывая о конкретных событиях, «древнерусский книжник никогда не забывает о движении истории в ее мировых масштабах» [Лихачев 2016, с. 15]. П.И. Сумароков также повествует о событиях мировой истории, однако в центре его внимания неизменно находится крымская земля. И в первом, и во втором травелогах автор начинает описание Тавриды с исторической справки, повествуя о таврах и скифах, о завоеваниях и нашествиях «казаров», «готфов»; довольно подробно останавливается путешественник на истории Крымского ханства. Как и древнерусский летописец, Сумароков помнит о том, «в каком отношении к общему движению мировой истории находится то, о чем он повествует» [Лихачев 2016, с. 15].

Исходя из этого, также можно говорить об *особой каузальности*, присущей как текстам хождений, так и травелогам П.И. Сумарокова. У явления истории всегда есть условно две причины: реальная и сверхреальная (Лихачев Д.С.), когда в событии видят Божий промысел. Так, реальной причиной эпидемии холеры является несоблюдение санитарных норм, сверхреальной – Божье наказание за людские грехи. Реальной причиной победы в сражении, к примеру, можно назвать продуманную тактику ведения боя, доблесть воинов и т. п. Сверхреальная причина победы – Божий промысел по молитвам праведников. На наш взгляд, подобная черта мировоззрения авторов древнерусских хождений присуща и П.И. Сумарокову. Реальной причиной присоединения Крыма к России для автора явно выступает политика премудрой Екатерины – «северной богини» и «благотворительницы россом», а сверхреальной – Божий промысел. Показательны эпитеты, с помощью которых Сумароков описывает присоединение Крыма (курсив наш): «Крым до покорения своего Россией был многолюден.... Когда же сия *кроткая* Держава, побуждаемая *человеколюбивыми* своими правилами, пожелала лучше иметь *добровольных* себе подданных, нежели пленников в областях своих, то крымцы, получившие свободу и оставаться в своем отечестве, и удаляться из оногo, вышли из него к своим единоверным

великими тысячами» [Сумароков 2012, с. 165]. Для Сумарокова все важные пространства России являются объектами восхваления. Посещая Полтаву, он мысленно представляет чувства Петра I перед великой битвой 1709 года, называет правителя Богом избранным героем, который пришёл для спасения своего Отечества. Еще с большим благоговением говорит об императрице Екатерине Великой. Например, о том, как она основала Екатеринославль, осчастливила этот край лишь своим присутствием и вместе со своим спутником императором Иосифом положила «освященными руками два начальных камня» [Сумароков 2022, с. 70] будущего храма Господня. На протяжении всего повествования П.И. Сумароков, углубляясь в древнейшую историю Тавриды, подчёркивает роль России в освоении полуострова, видя в этом Божий промысел. Однако если для древнерусских хождений характерна некая идеализация прошлого, тоска по утраченным временам, то в исследуемых сентиментальных путешествиях, наоборот, вектор сакральности устремлён вперёд, иными словами, идеализируется *будущее* Крыма: «Теперь под славною державою России, под ангельским владычеством Александра, сей обетованный край восстанет от своего усыпления, произрастит золото, смирну и ливан, воскурит из ароматов своих на благодарном жертвеннике фимиам и в восторге радости воспоет счастливые дни свои» [Сумароков 2022, с. 106]. В этом отрывке из второго путешествия Сумарокова эксплицитно выражается мысль о том, что теперь для Крыма настали лучшие времена, «блаженная его чреда»; неслучайна здесь и евангельская аллюзия к дарам Волхвов, которые принесли младенцу Христу золото, ладан и смирну. Этим автор в очередной раз подчеркивает «сверхреальную» причину завоевания Крыма и возлагает надежды на процветание полуденного края под флагом Российской империи. Подобная установка заметна и в другом сентиментальном травелеге того времени – «Путешествии в полуденную Россию» В.В. Измайлова (1805). Для Измайлова, как и для Сумарокова, «история воплощает божественный замысел», а такие великие правители России, как Петр I и Екатерина II, являются орудиями «Божественной воли» и воплощением «исторического действия» [Шёнле 2004, с. 114].

Для путешествия П.И. Сумарокова характерно стремление к сакральному центру, которым в травелоге является сама Таврида. Безусловно, подобное построение текста характерно и для религиозных путешествий — паломничеств, когда описание пройденного пути не так важно для автора, ценным является посещение сакрального места, соприкосновение со святыней. Художественное пространство хождений «подчеркнуто ограничено» [Гуминский 1987, с. 159], в центре внимания паломника — описание святыни, автор древнерусских текстов не останавливается подробно на сборах в дорогу или на описании пройденного пути, чего, конечно, нельзя сказать об авторе рассматриваемых травелогов. Так, второе путешествие Сумарокова начинается с довольно длинного вступления; автор рассказывает, как он совершенно случайно, сидя в Английском клубе и беседуя с чиновником, узнал о своей важной миссии. Далее будущий путешественник рассуждает о том, что не всё в жизни человека происходит по его воле и что «каждое мгновение ока в силах опровергнуть все придуманные замыслы» [Сумароков 2022, с. 41]. В начале первого путешествия Сумароков признается, что он хотел «употребить праздные часы свои себе на пользу» [Сумароков 2012, с. 45]. Однако для древнерусского человека путешествия были отнюдь не праздным времяпрепровождением, но средством постижения духовных законов бытия, возможностью побывать в святых местах. Иным было и отношение к слову. Древнерусский книжник категорично отрицает любую ложь (даже художественный вымысел), а садясь за перо, не пишет, но *священнодействует*. Неслучайно тексты хождений начинаются и заканчиваются молитвами (покаянными, благодарственными), автор просит Господа благословить его начинание. Категория пути в паломничествах также наделяется сакральным смыслом и приобретает не пространственное значение, но ментально-духовное, поскольку цель такой поездки заключается не столько в преодолении земного пространства, сколько во внутреннем преображении человека на *пути* в мир горний. Подобная символичность пути встречается и в книге отечественного путешественника.

Сумароков неоднократно называет Тавриду «раем на земле», «эдемским краем»; именно здесь можно встретить идеализируемого писателями-сентименталистами «естественного человека», не испорченного цивилизацией. Восторгаясь первозданной красотой природы

Крыма, путешественник размышляет о вечности, жизни и смерти, о могуществе Создателя. Пространство превращается из горизонтального в вертикальное, а противопоставление по принципу *верх–низ / горнее–земное* приобретает онтологический характер. Хронотопическим абсолютом становится горный мир (небо, вершина горы, солнце), который противопоставлен миру земному (люди). Этот тот случай, когда пространственные характеристики организуют и этическое пространство [Лотман 2023, с. 307]. Приведём конкретный пример размышлений Сумарокова. Забираясь на вершину горы в Судаче, чтобы обозреть весь город с высоты птичьего полёта, автор наслаждается величественным видом, который «поражает взор». После этого путешественник спускается вниз и слышит шум: «По безмолвной на высоте тишине, в какое пришел я удивление, услышав на низу необычайный шум. Вот, рассуждал я с собой, в горних всегда царствует мир и благодать; а смертные в долу обыкновенно враждуют и друг на друга восстают» [Сумароков 2012, с. 100]. Показательны ключевые слова, с помощью которых путешественник характеризует пространство. На наш взгляд, их можно представить в виде антонимических пар, в основе которых лежат древнейшие архетипичные пространства Ада и Рая:

Горный мир (верх)	Земной мир (низ)
<i>безмолвная тишина</i>	<i>необычайный шум</i>
<i>мир</i>	<i>вражда</i>
<i>благодать</i>	<i>восстание (=противоборство)</i>

Понятия, характеризующие пространство (вершина — низина; земля — небо), в данном отрывке наделяются совершенно новыми, в какой-то степени сакральными для автора смыслами с «совсем не пространственным содержанием и получают значение: «ценный» — «неценный», «хороший — плохой», «свой — чужой»» [Лотман 2023, с. 307]. Подобные описания повторяются в книге отечественного путешественника неоднократно.

Свою картину мира он транслирует, общаясь с местными жителями. Например, разговаривая с крестьянами о саранче, которая уничтожает урожай, Сумароков видит спасение в молитве, а не в истреблении вредителей: «Молитесь Богу, добрые люди! — говорил я им. —

Тому, кто послал вам сие наказание; одно искреннее ваше к нему воззвание, одно милостивое его произволение истребит ее всю в одно мгновение» [Сумароков 2012, с. 46–47]. В этом отрывке также заметна и другая черта сентиментального путешествия, которая роднит его с хождением, — *назидательность*. Если в хождениях, паломничествах и путешествиях подобного рода нравоучения имеют чаще всего религиозный характер, в сентиментальных путешествиях конца XVIII — начала XIX вв. редко можно встретить размышления авторов о грехе и спасении, вере и благочестии. В этом отношении текст Сумарокова является, скорее, исключением из правил и наследует традиции древнерусского жанра. С другой стороны, травелог отечественного путешественника изобилует фрагментами, которые, безусловно, отражают уже идеи и воззрения Нового времени. Например, в очередной раз обедая с татарами по их обычаю, Сумароков рассуждает, в духе философии Просвещения, о равенстве людей, не зависящем от вероисповедания и этнической принадлежности: «Все они братья, для всех блещет солнце, планеты и луна, и непостижимый Творец, окружённый славою, не разбирая одеяний и привычек, с равною милостью взирает с высоты на разнообразных чад своих» [Сумароков 2022, с. 89].

Всё это говорит о жанровом своеобразии исследуемых травелогов. В текстах П.И. Сумарокова встречаются как нравоучения, присущие сентиментальным путешествиям (размышления о толерантности и веротерпимости, о благотворном влиянии просвещения, о счастливой жизни «естественного» человека на лоне природы), так и назидания религиозного характера, восходящие к поэтике средневековых хождений (рассуждения автора о своих духовных открытиях, о восхождении по «лестнице» в мир горний, транслирование личного духовного опыта читателю и персонажам).

Кроме того, в травелогах Сумарокова философские размышления и назидания имплицитно соотносятся с библейской мудростью. К примеру, рассуждения о сущности человеческого существования и ничтожности земных забав перекликаются со словами из книги Екклесиаста о суете человеческих дел и томлении духа (Еккл. 1:14). Вот что пишет Сумароков о течении времени и жизни, находясь в уединении: «Что скажешь, не для забав ли ты сотворен? — Нет, скоротечность то очевидно опровергает, притом огорчения текут рекою, а веселости

сякнут, как редкие капли. <...> Не оспаривают у тебя одной только могилы...» [Сумароков 2022, с. 98]. Сравнивая прежнее величие Фео-досии и нынешнее состояние города, его руины, путешественник размышляет о том, как богатые города по прошествии столетий утрачивают прежнюю роскошь: «Провидение Сидящего в горних возвышает и унижает Царства по своему произволению» [Сумароков 2012, с. 88]. Эта мысль Сумарокова созвучна евангельской мудрости о том, что первые могут стать последними (Мф. 19: 30).

В завершение отметим, что для травелога, в отличие от путевой религиозной литературы, ценны само путешествие и изучение новой местности, тяга к знаниям и желание постичь мир во всём его многообразии. Эстетическая и просветительская функции в рассмотренных травелогах также являются главенствующими. Но при этом П.И. Сумароков, ориентируясь на принципы жанра сентиментального путешествия, сохраняет художественную «память» о древнерусских хождениях. Указанное обстоятельство и придает его текстам вполне ощутимую самобытность.

Источники

Сумароков 2012 – Сумароков П.И. Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году. Симферополь, 2012.

Сумароков 2022 – Сумароков П.И. Досуги Крымского судьи, или Второе путешествие в Тавриду Павла Сумарокова. Симферополь, 2022.

Хождение игумена Даниила 1997 – Хождение игумена Даниила. Подготовка текста, перевод и комментарии Г.М. Прохорова [Электронный ресурс] // Библиотека литературы Древней Руси. Под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Поньрко. Т. 4: XII век. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4934> (дата обращения: 10.03.2025).

Литература

Галушко 2021 – Галушко А.Д. Концепт «оазис» в «Путешествии по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году» П.И. Сумарокова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. 2021. Том 7 (73). № 3. С. 30–40.

Гуминский 1987 – Гуминский В.М. Открытие мира, или Путешествия и странники. М., 1987.

Жданов 2024 – Жданов С.С. Репрезентация пространства Новороссии в «Путешествии по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году» П.И. Сумарокова // Научный диалог. 2024. Т. 13. № 5. С. 215–239.

Иванова 2010 – Иванова Н.В. Жанр путевых записок в русской литературе первой трети XIX века (тематика, поэтика): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Москва, 2010.

Крюкова 2018 – Крюкова Н.В. Павел Сумароков о Крыме (на материале «Путешествия по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году») // Ломоносовские чтения – 2018: сборник материалов ежегодной научной конференции. Севастополь: Филиал МГУ в г. Севастополе, 2018. С. 21–22.

Куликова 2008 – Куликова А. А. Путевая проза в русской литературе конца XVIII – начала XIX века // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2008. № 4 (60). С. 241–243.

Курьянов, Рыжман 2014 – Курьянов С.О., Рыжман Я.В. Крымский миф в сентиментальных произведениях П.И. Сумарокова // Вопросы русской литературы. 2014. № 30 (87). С. 216–222.

Лихачев 2016 – Лихачев Д.С. Великое наследие: Классические произведения литературы Древней Руси. СПб., 2016.

Лотман 2023 – Лотман Ю.М. Структура художественного текста. М., 2023.

Орлов 1977 – Орлов П.А. Русский сентиментализм. М., 1977.

Пантелеймонова 2017 – Пантелеймонова Т.В. Черты сентиментализма в «Путешествии по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году» П. И. Сумарокова // Молодая наука: Сборник научных трудов научно-практической конференции для студентов и молодых ученых, Ялта, 27–28 октября 2017 года. Ялта, 2017.

Раков 2023 – Образы старинных русских городов в «Путешествии по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году» П.И. Сумарокова (Феодосия) // Genius Loci: Образы старинных русских городов в творчестве русских и зарубежных писателей. Нижний Новгород: Мининский университет, 2023. С. 60–64.

Раков 2025 – Раков А.А. Ш. Ж. Ромм и его путешествия по России: история и культура Крыма в восприятии французского путешественника // Образы Новороссии в русской культуре: между прошлым и будущим: Материалы I Всероссийской научно-практической конференции. Симферополь, 2025. С. 40–47.

Сафатова 2008 – Сафатова Е.Ю. Паломнический сюжет в «Путешествии ко Святым местам в 1830 году» и «Путешествии по Святым местам русским» А.Н. Муравьева: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Томск, 2008.

Соловьев 2011 – Соловьев А.Ю. «Путешествие в полуденную Россию» В.В. Измайлова в контексте русской литературы путешествий конца XVIII – начала XIX веков: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 2011.

Фарафонова 2017 – Фарафонова О.А. Ориентальный травелог Павла Сумарокова («Досуги крымского судьи, или второе путешествие в Тавриду») // Научный диалог. 2017. № 7. С. 70–82.

Шёнле 2004 – Шёнле А. Подлинность и вымысел в авторском самосознании русской литературы путешествий, 1790–1840. СПб., 2004.

RELIGIOUS MOTIVES AND FEATURES OF WALKING IN P.I. SUMAROKOV'S CRIMEAN TRAVELOGUES

A.A. Rakov

MAOU "School No. 79 named after Nikolai Alekseevich Zaitsev"
Mininsky University

The article examines the sentimental travels ("A Journey Through Crimea and Bessarabia in 1799" (1800) and "The Crimean Judge's Leisure Hours, or The Second Journey to Taurida" (1803–1805)) of P.I. Sumarokov (circa 1767–1846), describing the Crimean Peninsula in late 18th – early 19th century, i.e. in the first decades after it became part of Russia. The author made his first trip to the midday region in 1799 as a free traveler, and Sumarokov visited Taurida for the second time in 1802 as a statesman and judge. The study raises an important question about the fusion of religious and secular literature traditions in the analyzed texts, as well as religious motives and features of the walking genre, which originated back in the Old Russian literature. During the analysis, it was noted that P.I. Sumarokov's travelogues combine the following features with Ancient Russian walks: the important role of Orthodox culture in the author's worldview, which helps to "master" someone else's cultural space, the sacredness and symbolism of the path, the inclusion of the described events in the context of world history and a special causality. The study also showed that the civic pathos and edification inherent in Sumarokov's Crimean travelogues and edification have a religious character.

Keywords: sentimental journey, walks of Ancient Russia, P.I. Sumarokov, religious motives, Crimean text.